

—

«Чансуй!»

Дверь резко распахнулась, и в комнату ворвалась женщина лет двадцати с лишним, ее щеки покраснели от быстрой ходьбы.

Обе стороны явно замерли при встрече.

«Сестрица У Сань*».

Таоюй встал, тихо окликнул ее, боясь, что У Ляньхэ его не узнает, и хотел представиться сам, но У Ляньхэ выдавила улыбку и позвала его: «Тао... Тао гер».

«Сестрица У Сань еще узнает меня?»

«Как же не узнаю, ты так же красив, как и в детстве».

Хоть и были односельчанами, давно не видевшимися, следовало поговорить о старых временах, но все мысли У Ляньхэ были поглощены Чжао Чансуем. Она торопливо подняла шпильку: «Это, это откуда?»

Спрашивая, она даже не заметила, как дрожит ее голос.

Таоюй, увидев это, подошел и сначала закрыл дверь.

Он представил Хо Шу У Ляньхэ: «Это побратим Чансуя, он специально привез шпильку с севера».

У Ляньхэ, войдя в комнату, сразу увидела Хо Шу. Изначально она думала, что вернулся Чжао Чансуй, но, подойдя ближе, поняла, что это не он.

В ее сердце затаилось смутное беспокойство, а услышав представление Цзи Таоюя, сердце У Ляньхэ тут же упало в ледяной погреб, а на глаза навернулись слезы.

Наконец-то увидев человека, о котором Чжао Чансуй постоянно думал, Хо Шу тоже встал. Он окинул У Ляньхэ взглядом, и его взгляд остановился на шпильке:

«Он всегда носил эту вещь с собой на поле боя и за его пределами. Перед смертью он попросил меня вернуть ее. Теперь, когда вещь возвращена владельцу, я выполнил поручение».

У Ляньхэ, услышав это, пристально посмотрела на Хо Шу, вдруг подняла глаза к небу, не позволяя слезам, готовым хлынуть из глаз, скатиться. Пальцы, сжимающие шпильку, напряглись, чуть не сломав ее.

Молчала долго, затем вдруг засмеялась, и тут же слезы, больше не поддающиеся контролю, потекли по лицу прямыми ручейками.

«Столько лет прошло, я думала, он давно меня забыл».

Хо Шу, увидев это, слегка нахмурился: «Нет, за восемь лет на севере он не забывал ни на один день, пока не закрыл глаза».

У Ляньхэ смотрела на холодное, суровое лицо Хо Шу, в ушах звучали его ровные слова, словно он рассказывал о чем-то незначительном.

Но чем больше это было так, тем спокойнее становилось у нее на душе, потому что она не могла не верить, что все, что он сказал, правда.

«Хорошо, что он меня не забыл».

У Ляньхэ улыбнулась и сказала: «Тогда все эти годы будут того стоить, и это не будет казаться шуткой».

Таоюй, хоть и не испытывал подобных чувств, но, видя У Ляньхэ в таком состоянии, тоже был весьма растроган.

Он подошел и поддержал шатающуюся женщину: «Сестрица У Сань, присядь».

У Ляньхэ послушно села.

«В то время, когда сестрица У Сань поссорилась с семьей, это было из-за брата Чансуя?»

Таоюй налил чашку чая, осторожно протянул У Ляньхэ и задал вопрос, волновавший его.

«Верно. Тогда брата Чансуя призвали на службу, я хотела накопить денег, чтобы заплатить за него налог на трудовую повинность и избавить его от долгого пути на службу. К сожалению, денег не хватило, у семьи займы взять не получилось, и они узнали о нас с ним».

Семья У не одобряла их отношений. Семья Чжао была бедной, но если мужчина был старательным и работающим, жизнь всегда могла улучшиться.

Но, к сожалению, у него был прикованный к постели старый отец, который требовал много денег на содержание и лекарства долгие годы. При достатке семьи У они могли бы найти У Ляньхэ хорошего человека, и они, конечно, не хотели, чтобы дочь страдала.

Узнав, что Чжао Чансуй должен идти на службу, семья У подумала, что это прекрасная возможность для них расстаться, и, конечно, не хотела давать дочери деньги на помощь семье Чжао.

Позже Чжао Чансуй отправился на север, и семья У тут же начала устраивать помолвку для У Ляньхэ.

К сожалению, эти двое уже тайно решили провести свою жизнь вместе, и У Ляньхэ ни за кого не хотела выходить замуж, кроме Чжао Чансуя. Она заявила, что будет ждать его возвращения, и несколько раз ругалась с семьей.

Родные У ругали ее, били, даже хотели оставить без еды на несколько дней, чтобы заставить подчиниться, но У Ляньхэ была упряма и скорее предпочла бы умереть с голоду, чем согласиться.

Все-таки она была их родной дочерью, и первоначальное намерение семьи было лишь в том, чтобы ей было лучше, они не хотели доводить ее до смерти, поэтому могли только уступить.

«Раз так, то почему сестрица У Сань покинула деревню и еще сказала всем, что ушла в горы? Если бы прямо сказала, что обручилась с семьей Чжао и будет ждать брата Чансуя, жители деревни не стали бы сплетничать, а наоборот, посчитали бы сестрицу верной».

У Ляньхэ посмотрела на Таоюя и прямо сказала: «Потому что я забеременела от Чансуя».

Глаза Таоюя расширились, даже спокойный Хо Шу нахмурился.

Хо Шу хотел прямо спросить, где сейчас ребенок, но его потянули за край одежды.

Таоюй беспокоился, что ребенка уже нет. Хо Шу говорил прямо, и он боялся, что одно слово причинит боль, поэтому знаком велел ему не спрашивать.

К счастью, У Ляньхэ тут же развеяла их сомнения, сказав: «Я забеременела до замужества, и оставаясь дома, только опозорила бы семью. Родители и братья, любя меня, отправили меня в город, чтобы я там вынашивала».

Хо Шу, услышав это, повернул голову и посмотрел на Таоюя. Увидев, что тот больше не запрещает, он спросил: «Где ребенок?»

У Ляньхэ очень уважала Хо Шу и ничего не скрывала: «Сейчас живет со мной. Когда ребенок подрос, я отправила его в частную школу. Днем я работаю в мастерской, а когда заканчиваю работу, он примерно заканчивает занятия».

Таоюй был удивлен, услышав это, и невольно пожалел У Ляньхэ: «Все эти годы сестрице У Сань было очень нелегко жить с ребенком».

«Все прошло. К счастью, у меня есть ремесло, и владелец ткацкой лавки меня ценит, так что последние два года живем не очень тяжело. А первые два года было сложнее, когда я не работала, жили только благодаря поддержке семьи».

Говоря это, У Ляньхэ тоже вздохнула: «В прежние годы я была обузой для семьи, и мне очень стыдно».

Удачно встретив земляка, У Ляньхэ не преминула спросить: «Как поживает госпожа Юань? Ранее слышала, что скончался дядюшка Чжао. На самом деле, стоило бы взять ребенка и вернуться, чтобы навестить его, но так не по праву и без имени, боюсь, это только навлечет неприятности на стариков».

Таоюй посмотрел на Хо Шу: «Госпожа Юань уже признала Хо Шу приемным сыном. В будущем о госпоже Юань будет заботиться старший брат Хо, сестрица У Сань может не волноваться».

Услышав это, в глазах У Ляньхэ вспыхнул луч света: «Как это хорошо! Я не могу исполнить сыновний долг перед старшими, и мне часто бывает беспокойно. Теперь, когда о старших есть кому заботиться, мне спокойнее».

Хо Шу кивнул и сказал: «Могу я увидеть ребенка?»

«Старший брат Хо преодолел тысячи ли, чтобы привезти реликвию Чансуя, и приложил столько усилий, чтобы найти меня. Я безмерно благодарна и должна позволить брату увидеть ребенка».

«Кстати, теперь ребенку следовало бы называть старшего брата дядей».

Сказав это, У Ляньхэ снова затруднилась: «Просто сегодня ребенок в частной школе, а я не могу уйти. Если старший брат Хо не возражает, можно встретиться в городе через пять дней, когда у ребенка будут выходные. Тогда я тоже смогу купить кое-что и поблагодарить вас».

Хо Шу согласился: «Хорошо».

«Госпожа У Сань, вы закончили?»

За дверью вдруг послышался стук: «Ткачихам в задней мастерской нужно, чтобы вы посмотрели новую шелковую нить, владелец лавки скоро придет».

У Ляньхэ приоткрыла рот, желая попросить человека за дверью не беспокоить ее сейчас, но важность этой работы для нее была такова, что она не могла позволить себе ни малейшей прихоти, даже в тот момент, когда узнала, что ее любимого больше нет.

Смерть Чансуя была свершившимся фактом, но ребенка нужно было вырастить, и жизнь должна была продолжаться.

«Сейчас иду».

У Ляньхэ глубоко вздохнула, встала, она извинилась перед Хо Шу и Цзи Таоюем: «Старший брат Хо, Тао гер, в мастерской много дел, не могу отлучиться, мне очень жаль».

Таоюй поспешно сказал: «Дела в мастерской важнее, сестрица У Сань, идите занимайтесь».

У Ляньхэ кивнула, поспешно привела в порядок эмоции, взяла лист бумаги с полки рядом и написала несколько строк: «Старший брат Хо, это мой нынешний адрес, пожалуйста, обязательно приходите тогда, я хочу, чтобы ребенок увидел вас».

Хо Шу бегло взглянул на бумагу и забрал ее: «Хорошо».

У Ляньхэ снова посмотрела на предмет, который все это время крепко держала в руке: «Эта шпилька...»

Хо Шу сказал: «Возвращено владельцу».

У Ляньхэ кивнула, подушечками пальцев снова и снова поглаживая наверх шпильки. Та малейшая надежда, что была в ее сердце, в этот день наконец рассыпалась в прах.

Ей показалось, что перед глазами черная завеса, отчего ее всю трясло, но у нее не было времени на долгую скорбь.

У Ляньхэ повернулась, глубоко вздохнула и снова вставила шпильку с цветком айвы в прическу.

Перед выходом она вытерла глаза платком, привела себя в порядок, поклонилась присутствующим в комнате и только тогда открыла дверь и ушла.

У Ляньхэ ушла давно, а Таоюй все еще стоял у двери, медленно приходя в себя.

«Не ожидал, что начало и конец истории окажутся такими. В этом мире полно неверных людей, редко встретишь такую преданную и неизменную любовь».

Он вздыхал: «Только сестрица У Сань ждала столько лет, наконец дождалась известия, но даже не может тут же скорбеть и плакать вволю, ей приходится сдерживать эмоции и работать. Это слишком горько».

Женщина с ребенком, желающая прокормиться, конечно, ничего не ставит выше заработка.

Даже если сердце давно изранено, приходится влачить существование с невозмутимым лицом.

Он обернулся, видя, что на лице Хо Шу нет особого волнения, и не удержался, сказав: «Разве брат Хо совсем не растроган?»

«Растроган. Просто таких женщин и геров, потерявших мужей и детей, на севере полно. Я с детства это вижу, считаю обычным делом».

На поле боя каждая павшая плоть оставляет позади кровь и слезы многих маленьких семей, и сколько из них было разрушено его руками.

Он не отрицал, что его сердце давно стало черствее, чем у других. Если бы он был мягкосердечным, то давно бы превратился в высохшую кость в желтой земле.

Таоюй на мгновение почувствовал, что слишком много говорит, и подумав о том, что Хо Шу вырос в беспокойных северных краях, а он еще и говорит такое, почувствовал вину.

Хо Шу, однако, не стал придирается. Его взгляд немного устремился вдаль, и на сердце вдруг стало легче.

Он поднял чашку и вылил чай в окно на землю: «Все, что ты поручил, я выполнил. Теперь я могу быть спокоен».

«Но на этот раз ты лучше меня».

Таоюй стоял рядом, наблюдая за действиями Хо Шу, и поджал губы.

Брат Чансуй действительно силен. У него не только была девушка, преданная ему, но и ребенок на свете, а также брат, который ради выполнения поручения преодолел тысячи ли.

Атмосфера в комнате стала немного тяжелой. Таоюй не знал, что сказать, чтобы разрядить обстановку, но увидел, что Хо Шу вдруг посмотрел на него.

«Как мужчина, он должен радоваться, что есть девушка, готовая отдать ему все, нарушить родительскую волю и ждать долгие годы в горе, даже в одиночку вырастить для него ребенка».

«Но как девушка, следует ценить себя, хорошо продумывать последствия всего, ставить себя на первое место. Если броситься очертя голову, не думая о будущем, повезет — встретишь мужчину, который не изменит, и это хорошо. Если не повезет — встретишь двуличного, тогда будет поздно сожалеть».

Таоюй слегка шевельнул бровями, не ожидая, что Хо Шу, будучи немногословным, так справедливо рассмотрит проблему.

Только вот, зачем он, такой немногословный, вдруг ему это говорит?

Хо Шу, видя его удивленные нахмуренные брови, холодно сказал: «Прежде чем выйти замуж, лучше не связывайся с другими».

«!»

Глаза Таоюя расширились, его мозг вдруг затуманился.

«Связываться, что связываться? Кто, кто такой, как ты говоришь? Я с людьми общаюсь прилично, никогда не переходил границ!»

«Сейчас нет, а можешь гарантировать будущее?»

Таоюй поспешно сказал: «Почему не могу!»

Хо Шу безразлично смотрел на упрямого гера: «Предположим, этот человек поклянется небом, что не женится ни на ком, кроме тебя, что ты его любовь всей жизни. Сможешь не переходить границ?»

«Я... я смогу».

«Хорошо, а если тот человек со слезами на глазах скажет тебе о своих трудностях, о своей боли, покажется таким жалким, будто готов умереть без тебя. В тот момент ты сможешь сохранить нынешнюю ясность ума?»

«Ты увидишь его слезы на лице, он попросит тебя обнять его, поцеловать, сможешь ли ты

отказать?»

Таоюй, слушая эти слова-обвинения, внезапно покраснел, торопливо сказал: «Я ни за что так не поступлю».

Хо Шу смотрел на гера с покрасневшим лицом перед собой, слишком уж он был несведущ в мирских делах.

Он прекратил свои несколько жестокие предположения, опасаясь, что эти расспросы будут слишком резкими и могут ранить его.

Ладно, если кто-то действительно его обидит, худшее, что может случиться, это то, что он просто снова взмахнет мечом, и все.

В конце концов, кого он только не убивал за эти годы.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281177>